

Усачук А.Н.

ПРЯЖКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 3 КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА УГЛЕДАРА

Публикуются данные трасологического анализа пряжки из погребения бабинской культуры кургана возле г. Угледача Донецкой обл.

Ключевые слова: *пряжка, следы изготовления, следы использования, трасология, бабинская культура, бронзовый век.*

В 1993 г. новостроечная экспедиция Донецкого государственного университета (ныне – Донецкий национальный университет) под руководством В.П. Андриенко и Р.А. Литвиненко провела раскопки кургана на восточной окраине г. Угледача Донецкой обл. [Андриенко, Литвиненко, 1997] (детальнее – см. в статье Р.А. Литвиненко и В.П. Андриенко в этом сборнике). Среди материалов бабинского погребения 3 кургана найдена костяная пряжка с овальным щитком и бортиком, а также двумя разновеликими отверстиями (рис. 1). Размеры пряжки: площадь щитка 4,2×3,8 см, его толщина – до 0,5 см, Д большого отверстия – 1,7 см, Д маленького отверстия – 0,4 см. Интересная деталь: пряжка лежала на дне небольшой глиняной плошки, поставленной перед погребенным.

Пряжка из Угледача хорошо сохранилась и проанализирована 18 сентября 1995 г. в рамках программы трасологического изучения подобных изделий различных культур конца среднего – начала позднего бронзового века [Усачук, Литвиненко, 1997; 2001; Усачук, 1998; 2002; 2013, с. 25-26]. Использовался микроскоп МБС-2.

Сырьем для угледарской находки послужила кость животного. Для пряжки с бортиком требовалась довольно толстая компакта, которую можно получить при разделке длинных трубчатых костей крупных копытных [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 46]. Сильная заполированность пряжки из Угледача уничтожила почти все возможные следы изготовления. Впрочем, анализ большого количества подобных изделий, в том числе и заготовок, позволил довольно

точно воссоздать весь процесс изготовления пряжек. “Угледарский” мастер сначала вырезал квадратную или прямоугольную пластинку-заготовку, которую при помощи аккуратной резки и обработки абразивом превратил в овальную заготовку [ср. Усачук, Литвиненко, 1997, с. 46; 2001, с. 110; Усачук, 2002, с. 163]. Следующая операция – обработка внутренней поверхности пряжки при помощи абразива [ср. Усачук, 1998, с. 129, табл. 1] – уже не реконструируется, а фиксируется нами, потому что на угледарской пряжке частично сохранились горизонтальные следы мелкозернистого абразива на внутренней плоскости. После этого мастер приступил к изготовлению большого отверстия. Чаще всего центральное отверстие в пряжках сверлилось с внутренней стороны [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 47]. По поводу изготовления большого отверстия в пряжке мы сказать ничего не можем: заполировка стенок отверстия скрыла все следы. Можно предположить, что, как и в большинстве подобных случаев, отверстие сверлилось при помощи одного или нескольких станковых сверл [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 47-48; Усачук, 2002, с. 163]. Следующая операция “угледарского” мастера – изготовление бортика вокруг центрального отверстия – фиксируется на пряжке в своей финальной части: слабые следы мелкозернистого абразива идут во всех направлениях вокруг бортика [ср. Усачук, 2002, с. 163]. Судя по этим следам, изготовление маленького отверстия осуществлялось позже оформления бортика. Это логично: подобная очередность операций по изготовлению пряжек зафиксирована

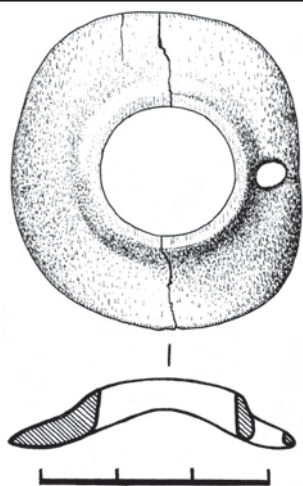

Рис.1 Угледар, к.1 п.3.

повсеместно [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 48; Усачук, 1998, с. 129-130, табл 1]. Обратим внимание, что мастер отодвинул маленькое отверстие от края пряжки почти под бортик, увеличив тем самым шаг перфорации. Это свидетельствует о наличии определенного опыта. Изучение большого количества пряжек показало, что зачастую маленькие отверстия смещены к внешнему краю пряжек, что иногда приводило к поломке небольшого участка пряжки между краем и маленьким/маленькими отверстием/отверстиями из-за

малого шага перфорации (Введенка, к.1 п. 2; Орлиное Болото, к.2, п.1; Каменка, жилище Г; Бубновая Слободка, к.9 п. 1; Поток, к. 398, п. 5; возможно, Обозное, к.1 п.5; и др.) [Качалова, 1974, табл. 5, 5; Усачук, 1998, рис. 2, 6А; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 53, 7; Лысенко, 2011, рис. 4, 7, 9; и др.].

Сильная сработанность угледарской пряжки оставила нам, как упоминалось выше, мало информации по изготовлению, зато сохранила довольно яркую картину использования. Все изделие сильно залощено – до заполировки. Это выражается, помимо блеска, еще и скругленностью всех граней пряжки. Складывается впечатление постепенной завальцованности граней при длительном контакте пряжки с мягким эластичным материалом. На фоне общей сильной залощенности выделяются участки бортика (рис. 2А) и края пряжки (рис. 2Б) с более сильной изношенностью. Бортик в этом месте стерт приблизительно на 0,1 см по сравнению с остальной частью, а также стал гораздо более плавный в разрезе. Край пряжки на участке Б стал тоньше. Обратим внимание, что напротив более сработанных участков А и Б фиксируется участок края пряжки, который стерт (рис. 2В): первоначально эта сторона пряжки была немного больше (рис. 2Г)¹. Сра-

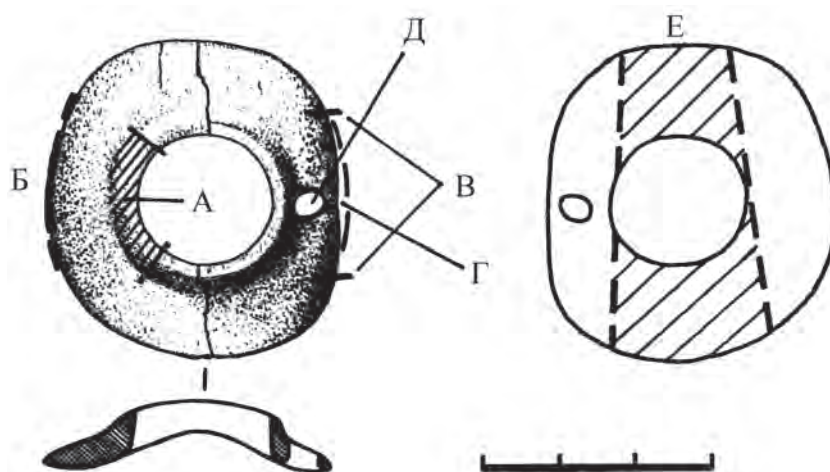

Рис.2. Следы сработанности на угледарской пряжке.

¹ Среди 200 трасологически обработанных на сегодняшний день пряжек выделим те, на которых участок края, как и на угледарском экземпляре, немного стерт: Полковое, к.1 п.3; Проклята Могила, п. 16; Беркозовка, к. 381; Приволье, к.7 п.4 (пряжка без маленького отверстия); Подгородное, к.6 п.7; Поливановка-XXII, к.1 п.8; поселение Казачья Пристань (раскопки 2002 г.).

ботанность края в этой части пряжки связана и со сработанностью маленького отверстия, которое из первоначально круглого превратилось в овальное (рис. 2Д). Направление сработанности этого отверстия идет к краю пряжки с обеих сторон изделия. В свою очередь, на внутренней стороне пряжки поперек через все изделие идет участок сильной сработанности (рис. 2Е). Обратим внимание на то, что участки сработанности на лицевой стороне угледарской пряжки находятся на одной оси, проходящей и через сработанное маленькое отверстие (рис. 3А-Б). Соотношение осей сработанности обеих поверхностей изделия (рис. 3А-Б и В-Г) позволяет реконструировать положение пряжки при использовании и считать угледарскую находку собственно пряжкой. Сработанность маленького отверстия не противоречит тому, что через него мог проходить тонкий ремешок в виде глухой петли, которая крепила пряжку к широкому поясу (рис. 4). Подобное крепление, судя по изученным пряжкам, “встречается повсеместно и является наиболее простым решением” [Усачук, 1998, с. 131]. Заметим, что петля тонкого ремешка была очень небольшой, поскольку торец широкого ремня подходил вплотную к краю пряжки. От постоянного трения край пряжки здесь (рис. 2Г) частично утрачен. Ширина “стаявшего” участка в пределах 2,2 см (рис. 2В), что позволяет в какой-то мере реконструировать ширину ремня – не менее (а скорее всего, немногим более) 2,2 см (рис. 4).

Интересно попытаться реконструировать вариант крепления другого конца ремня с угледарской пряжкой. Разумеется, наиболее простой способ крепления, когда свободный конец ремня завязывается узлом через большое отверстие пряжки. Это ведет к появлению на пряжке следов сработанности под углом к продольной оси (рис. 3А-Б) ремня [ср. Усачук, 1998, с. 134]. Такие следы на угледарской пряжке отсутствуют. Зато присутствует участок сработанности внутренней поверхности пряжки (рис. 2,Е), о котором мы говорили

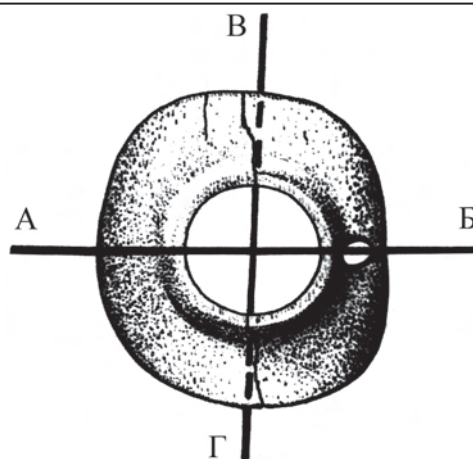

Рис.3. Соотношение осей сработанности внешней (А-Б) и внутренней (В-Г) поверхностей угледарской пряжки.

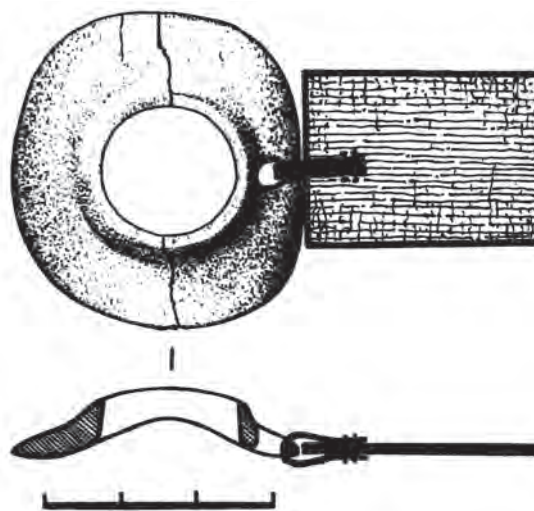

Рис. 4. Реконструкция крепления и ширины “угледарского” ремня.

выше. Подобные вертикальные участки сработанности на внутренних плоскостях пряжек фиксируется довольно часто – на это уже обращалось внимание [Елисеев, Ключенцев, 1982, с. 78; Усачук, 1998, с. 133]². Можно повторить по отношению к угледарской находке, что “... участки сработанности внутренней поверхности фиксируют следы

² В.Ф. Елисеев и В.Н. Ключенцев [1982, с. 78] пишут: “На многих пряжках, даже сильно выгнутых, с внутренней стороны прослеживается дополнительный продольный паз, овальный в разрезе. Впечатление такое, что пряжка накладывалась на круглый стержень, частично охватывая его”.

давления и трения какой-то системы застежки ремня. Сработанность внутренней поверхности ... не имеет грубых четких следов, что исключает использование застежки из металла или кости. ... Очень мягкая сработанность внутренней поверхности ... подразумевает длительное воздействие на нее мягкого эластичного материала. Это может быть небольшой деревянный стержень, обшитый кожей для смягчения давления на пряжку или застежка из собранного в трубочку, прошитого и подшитого к краю ремня кусочка толстой кожи. Второе предпочтительнее из-за еще более слабого давления на пряжку, а также потому, что такую застежку можно слегка сжимать и наклонять, продевая в большое отверстие” [Усачук, 1998, с. 133]. По сравнению с выводами, высказанными в работе конца 90-х гг. прошлого столетия, сейчас можно остановиться на этом несколько подробнее. Сработанность угледарской пряжки позволяет реконструировать положение ее в небольшом по длине ремне со свободным концом с мягкой застежкой. Этот ремень в застегнутом положении держится на поясе за счет силы упругости. Интересно сравнить реконструкцию применения пряжки из Угледара с предложенным В.В. Килейниковым вариантом крепления пряжки из бабинского³ п.3 кургана у с. Старая Калитва (Воронежская обл., Россия). К сожалению, мы не имеем полного описания обнаруженных на пряжке следов и видим лишь реконструкцию [Березуцкий, Маслихова, 2006, рис. 3,4; Березуцкий, Гринев, 2008, рис. 40, 9] (рис. 5), но этого и кратких пояснений в тексте⁴ вполне достаточно, чтобы разобраться с ситуацией. Во-первых, на старокалитвенской пряжке сработанность маленького отверстия была почти такая же, как на угледарской находке, что дало возможность В.В. Килейникову

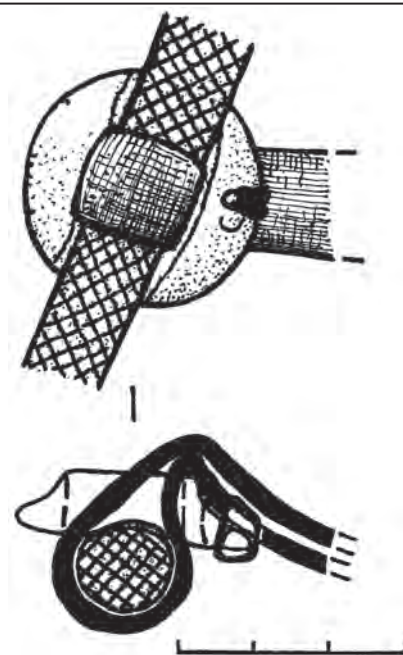

Рис. 5. Реконструкция В.В. Килейниковым крепления пряжки из п.3 кургана у с. Старая Калитва (по: Березуцкий, Маслихова, 2006, рис. 3, 4).

реконструировать петлю тонкого ремешка, проходящего через боковое отверстие (рис. 6А). Во-вторых, по реконструкции видно, что В.В. Килейников обратил внимание на значительную сработанность внутренней части пряжки, пропустив здесь довольно широкий ремень португалии (рис. 6Б). Кстати, наличие здесь ремня говорит о том, что обнаруженные В.В. Килейниковым следы сработанности на внутренней части были “мягкие”, что, собственно, и дало возможность говорить о ремне. Реконструировать не поясной ремень, а ремень португалии В.В. Килейникова заставила сильная сработанность центрального отверстия в сочетании с такими деталями, как сработанность внешней части пряжки и ее бортика в районе малень-

³ Обратим внимание на какой-то сбой в описании культурно-хронологической позиции п.3 и на ошибочное отнесение пряжки к п. 4 [Березуцкий, Маслихова, 2006, с. 103]. В более поздней публикации п. 3 “впускное, бабинская культура эпохи бронзы” [Березуцкий, Гринев, 2008, с. 104].

⁴ В более ранней работе говорится о том, что В.В. Килейников предложил способ использования пряжки и только в примечании добавляется “как части португалии” [Березуцкий, Маслихова, 2006, с. 102]. Позже уточняются не только детали изготовления пряжки, но говорится о следах интенсивной заполировки и о том, что В.В. Килейников предложил способ использования старокалитвенской пряжки в качестве португалии принадлежности [Березуцкий, Гринев, 2008, с. 104-105].

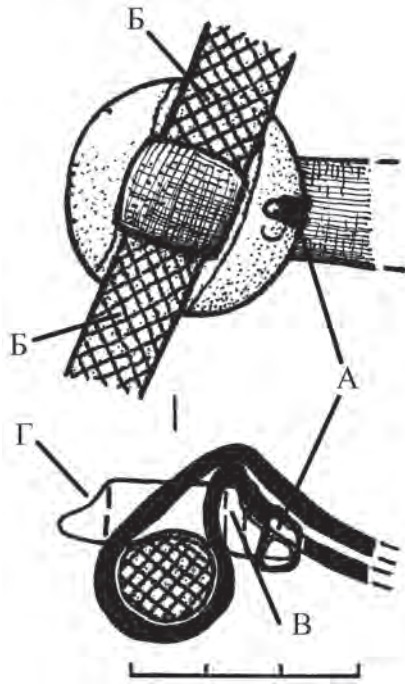

Рис. 6. Следы сработанности на пряжке из п. 3 кургана у с. Старая Калитва.

кого отверстия (рис. 6В) при отсутствии сработанности пряжки в противоположном от маленького отверстия направлении (рис. 6Г). Сочетание таких следов сработанности делает реконструкцию В.В. Килейникова вполне обоснованной. В случае же с угледарской пряжкой мы как раз фиксируем участки бортика (рис. 2А) и края пряжки (рис. 2Б) с более сильной изношенностью на противоположном от маленького отверстия участке изделия, что дало нам возможность предложить иную, по сравнению с В.В. Килейниковым, но более привычную реконструкцию. Частный пример двух прошедших трасологический анализ пряжек показывает разнообразие способов применения этих изделий

и подводит нас вплотную к интересной и пока не решенной проблеме использования этих, по словам В.И. Гошкевича, загадочных “тонких костяных кружков” [1903, с. 142]. Трасологический анализ показывает, что подобные изделия в среде бабинской культуры были в большей степени поясными пряжками [Усачук, 1998]⁵, но вполне могли относиться не только к поясным ремням [ср. Елисеев, Ключенцев, 1982, с. 78], а использоваться и как пряжки португепей [ср. Синюк, 1996, с. 208]. Существуют мнения, что “костяные кружки” являлись подвесками-медальонами [Рогудеев, 2001, с. 109; Литвиненко, 2004, с. 284] или просто “медальонами”, “подвесками”, “бляхами” [Литвиненко, 2004, с. 284; 2006, с. 179], “декоративными украшениями одежды” [Савва, 1988, с. 66; 1992, с. 135], украшениями-подвесками [Усачук, 1998, с. 135], амулетами [Эварницкий, 1897, с. 329; Добровольский, 1915, с. 144; и др.], украшениями-амулетами [Усачук, 2002, с. 164; Лысенко, 2011, с. 140], застежками-фибулами [Тощев, 1998, с. 123], застежками, запонками [Братченко, 1995, с. 22], а так же использовались “в качестве привесок на пояс или другие части одежды” [Литвиненко, 2001, с. 93; ср. Отрощенко, 1998, с. 113] или выступали деталью парадного и боевого оснащения воинов-колесничих [Отрощенко, 2001, с. 75-76]⁶ и даже, возможно, деталями клейнодов [Отрощенко, 1998, с. 113]⁷. Подчеркнем, что трасологические данные по “тонким костяным кружкам” позволяют говорить о пряжках поясных и португепейных (?) ремней (лучше бы сказать – каких-то не поясных ремней⁸), а так же – о “пряжках”-украшениях (подвесках, амулетах – ?). Видимо, в конкретизации этих положений

⁵ Указать на бабинскую среду памятников с пряжками нас заставляет то, что многие дискообразные костяные и роговые изделия доно-волжской абашевской культуры не являются пряжками даже при наличии у них большого центрального отверстия [Усачук, 1998а, с. 35-36; ср. Литвиненко, 2004, с. 277-278].

⁶ Против подобного взгляда на использование пряжек см. работу: [Литвиненко, 2004], с выводами которой мы полностью согласны.

⁷ В более поздней работе, куда вошел и переработанный текст статьи 1998 г. [Отрощенко, 2001, с. 74-79] пряжки, как возможная деталь клейнода уже не трактуются.

⁸ С.Н. Братченко пишет о пряжках, которые могут быть “соединительными звеньями наплечных и т.п. ремней” [1995, с. 22].

следует продвигаться далее в деле изучения круглых и овальных костяных изделий культур круга Бабино.

Последнее, на чем хотелось бы заострить внимание в связи с находкой угледарской пряжки – положением ее в погребении. Пряжка найдена, как упоминалось, в небольшой площадке. Выше мы предполагали, что ремень с пряжкой был небольшим по размерам. Косвенно об этом свидетельствуют размеры площадки, которые вполне подходят

для того, чтобы в такой сосуд положить не отдельную пряжку, но весь небольшой свернутый ремень. К сожалению, аналогии подобного предполагаемого положения ремня в бабинских погребениях нам неизвестны, поэтому остается сегодня только подчеркнуть яркую особенность обряда погребения 3 в надежде на возможность будущих подобных находок, хотя, скорее всего, наличие свернутого ремня (?) в сосуде так и останется уникальным.

ЛИТЕРАТУРА

Андриенко В.П., Литвиненко Р.А. Раскопки кургана близ г. Угледар // АДУ 1993 року. – К., 1997. – С. 6-7.

Березуцкий В.Д., Гринев А.М. Россошанские курганы. – Воронеж: ООО “Пресса ИПФ”, 2008. – 174 с.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Курганы эпохи бронзы у с. Старая Калитва // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – Вып. 12. – С. 99-103.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. – СПб., 1995. – С. 8-26.

Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. Книга первая. – Херсон, 1903. – 176 с.

Добровольский А.В. Раскопки кургана в предместьи Одессы – “Слободка-Романовка” // ЗООИД. – 1915. – Т. XXXII. – С. 123-145.

Елисеев В.Ф., Ключенцев В.Н. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 71-80.

Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. САИ.– М.: Наука, 1974. – Вып. В4-12. – 56 с.

Литвиненко Р.А. О так называемых “поясных пряжках” в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. научн. конф. – Оренбург, 2001. – С. 90-93.

Литвиненко Р.А. “Пряжки” и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. – 2004. – № 2. – С. 257-290.

Литвиненко Р.А. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ.– 2006. – № 5. – С. 157-187.

Лысенко С.Д. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных “пряжек” в Среднем Поднепровье // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 123-143.

Отрошенко В.В. Феномен кістяних пряжок // Проблеми изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 113-117.

Отрошенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001. – 288 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1988. – 208 с.

Рогудеев В.В. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. Тез.докл. междунар. научн. конф. – Оренбург, 2001. – С. 107-109.

Савва Е.Н. Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. – Кишинев, 1988. – № 3. – С. 57-68.

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). – Кишинев: Штиинца, 1992. – 226 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. – 350 с.

Тощев Г.Н. Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 117-125.

Усачук А.Н. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 125-135.

Усачук А.Н. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж, 1998а. – С. 31-39.

Усачук А.Н. О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы III Междунар. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 162-165.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). – К., Донецк: ИА НАН Украины, 2013. – 304 с.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К., Вороніж, Перевальськ, 1997. – С. 46-50.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К., Вороніж, 2001. – С. 109-114.

Эварницкий Д.И. Курганы у реки Орели Екатеринославской губернии // Труды VIII АС в Москве 1890. Т. III. – М., 1897. – С. 328-329.

Usachuk A.N.

A buckle from burial 3 of barrow 1 of the Ugledar burial ground

The paper presents the results of trace analysis of a buckle from burial of the Babino culture in barrow near Ugledar city of Donetsk region.

Keywords: *buckle, traces of manufacture, traces of use, trace study, Babino culture, Bronze Age.*

Усачук А.М.

Пряжка з поховання 3 кургану 1 могильника Вугледар

В роботі подано дані трасологічного аналізу пряжки з поховання бабинської культури кургану 1 біля м. Вугледар Донецької обл.

Ключові слова: *пряжка, сліди виготовлення, сліди використання, трасологія, бабинська культура, бронзовий вік.*